

Александр Коц

КУРСК

боль и слава

Хроника 264 опаленных дней

УДК 355.4
ББК 66.4(4)/66.4(8)
К 75

Коц, А.И.

К 75 Курск. Боль и слава. Хроника 264 опаленных дней/ Александр Коц. — М.: ИД «Комсомольская правда», 2026. — 336 с.

ISBN 978-5-4470-0811-6

Знак информационной продукции **16+**

Гримаса истории: трагические события в Курской области развернулись в 25-ю годовщину начала второй Чеченской войны. 7 августа 1999 года банды террористов Басаева и Хаттаба вошли в Ботлихский район Дагестана, захватив приграничные села Ансалту, Рахату, Тандо, Шодроду, Годоберт. Чем закончился тот авантюрный рейд, мы знаем. Но история учит не всех. Ровно четверть века спустя новоявленные оккупанты позарились на священную, политую кровью наших дедов землю Курщины.

Чего стоило выстоять ее жителям и тем, кто насмерть сражался за их освобождение 264 дня и ночи, — в написанных сердцем фронтовых заметках военкора «Комсомольской правды» Александра Коца.

УДК 355.4
ББК 66.4(4)/66.4(8)

ISBN 978-5-4470-0811-6

© Коц А.И., текст, фото, 2026
© АО «Издательский дом
«Комсомольская правда», оформление
обложки, 2026

ВВЕДЕНИЕ

«Ты где? — написал я Евгеничу в районе 18:00. — Мне еще километров 200 до Курска».

Лечу по трассе в командировку от родной «Комсомолки». Всегда хочется быть первым. Но на этот раз кум меня опередил.

«Под Суджей. 15 километров от нее. Дальше — машины горелые и толпы раненых».

Ну где же еще быть Поддубному! В самой обсуждаемой точке на планете. Пока в Телеграме ломают клавиатуры в спорах, чья Суджа, ему надо убедиться самому. Вместе с оператором Рубеном Меробовым и звуковиком Стасом Еловским он весь день выходил в эфир в опасной близости от города, из которого периодически вырывались гражданские на своих машинах. Туда, в сторону границы, летит работать наша авиация, оттуда доносятся звуки боя...

«Напишу ближе к Курску», — бросил ему сообщение. И добавил газу.

В 20:05 позвонили с СоловьевЛайв: «Не выручите? А то у нас Поддубный должен был выйти, но что-то нет связи».

Паркуюсь, настраиваю связь, обсуждаю с Дмитрием Куликовым последние события в Курской области. Кто-то звонит на телефон, срывая разговор со студией. Сбрасываю, снова выхожу в эфир, опять звонок, снова сбрасываю...

«Жека погиб. Это Рубен. На наших со Стасом глазах», — всплывает СМС прямо посреди эфира.

— Есть домкрат? — встречает через полчаса на заправке Рубен.

Молча открываю багажник. На их внедорожнике разбита фара и повреждено колесо.

— Как получилось?

Парни рассказывают, что весь день «прямилась» с точки. А под вечер двумя джипами выдвинулись в сторону

Суджи. У въездного кольца в город раздались автоматные очереди. Женька, ехавший впереди, развернул машину, парни — за ним. И тут — взрыв над его внедорожником. Скорее всего, дрон-камикадзе. Машина загорелась, покатилась в кювет, перевернулась и замерла в поле за лесополосой.

Парни подбежали, выломали раскаленные двери — полыхало изнутри. Пламя стояло стеной...

Страшные слова уже летели по новостям. А мои мысли — обратно в Москву. На «аллею военкоров» на Троекуровском, где будем хоронить Женьку...

Из ступора вывел звонок друга-спецназовца:

— Сань, он вроде бы ранен. Якобы доставили в курскую больницу.

Не веря ни другу, ни себе, гоню туда. На дрожащих ногах захожу в палату реанимации.

— О, доехал, — приоткрывает Евгений закутанные в бинты глаза. — Сань, что со Стасом и Рубеном? Поможешь им где-нибудь расселиться?

Почти девять месяцев продолжались бои за освобождение Курской области. 264 дня вместили в себя сотни примеров воинской доблести военных и героизма мирных. Эта книга — малая толика того, что они заслуживают. Но всю оставшуюся жизнь при слове Курск я буду вспоминать эту ночь, когда мог потерять друга...

ГЛАВА РАЙОНА. ВТОРЖЕНИЕ

— Саш, есть такое расхожее мнение, что чуть ли не все жители приграничья были в курсе о грядущем вторжении. Вот ты знал? — спрашиваю в лоб бывшего главу Суджанского района, а ныне — бойца отдельной десантно-штурмовой бригады «Ветераны» Александра Богачёва.

КАРЬЕРА

Александр — коренной, курский, родился в селе Черкасское Поречное. До Курска — 100 километров, до Сум — всего 60. Советский Союз, границ нет. Отец устроился в Сумах на завод. Там же Саша Богачёв пошел в школу, отучившись 10 классов. 11-й заканчивал уже в Судже, чтобы иметь российский аттестат. Да и отношение к русским серьезно менялось.

Потом — Курская сельхозакадемия. Второе высшее — в Юго-Западном госуниверситете. Работал экономистом на Суджанской птицефабрике, затем ушел в Сбербанк. В 2007-м решил уехать в Москву, устроился в частный банк, но там стало скучно. А тут брат позвал заниматься сельским хозяйством в родном селе. И он сбежал из Москвы в колхоз, работал финансовым директором, находил поставщиков семян, удобрений, техники, заключал контракты, деньги пошли...

Внезапно умер его дядя, глава Пореченского сельсовета. И Богачёва начали уговаривать встать вместо него.

Семь лет отпахал главой сельсовета — и согласился курировать ЖКХ в должности заместителя главы Суджанского района. Направление расстрельное, а ему интересно. К тому же главой района был еще один его дядька. Кто-то скажет — кумовство, но с племянника шеф спрашивал строже, чем с других. Готовил себе сменщика.

А в 2018 году пришел новый врио губернатора — Роман Старовойт. И на выборы главы Суджанского района выста-

вил своего человека. Район-то крупный, сытный! Маслodelьный комбинат, мясокомбинат, колхозы, завод тракторных агрегатов, строительное управление — самое мощное в Курской области. Такое чужаку не доверишь. Но выборы голосованием депутатов выиграл Богачёв.

Саша уверен: окружение «напело» теперь уже губернатору Старовойту, что суджане пошли против его воли. С тех пор он на Богачёва закусился.

Но к этому мы еще вернемся.

6 августа

А пока под новый 2026 год сидим с тезкой у меня на кухне, гоняем крепкий чай и вспоминаем перипетии Курской битвы 2.0.

— Так все-таки знали заранее о вторжении? — мучаю товарища.

— Ерунда. Проскочило в крупном телеграм-канале про скопление врага на сумском направлении. На это все и ссылались. Но мы плотно общались тогда с силовиками, никто эту информацию не подтверждал. Или до нас ее не доводили. Даже в июле, за пару недель до вторжения, на совещании в оперштабе докладывали, что все спокойно. А сейчас каждый хочет быть причастным к какому-то тайному знанию. Ну, если вы знали, чего же не уезжали? Соседей не предупредили?

С другой стороны, обострение все-таки началось не внезапно. С весны 2024 года противник начал целенаправленно выбивать FPV-дронами вышки сотовой связи, электроподстанции. В июне уничтожил, по сути, все автозаправки — за бензином приходилось ездить в соседний Большесолдатский район. Пошли удары артиллерии, вплоть до РСЗО. Нас словно приручали к будням войны, чтобы в час X опомнились не сразу.

Первые дни вторжения. Строители под прикрытием танков возводят укрепления и роют рвы вдоль трассы Рьльск—Курск. Противник до нее не дойдет, но в тот момент это было неочевидно

— В ночь на 6 августа начался массированный обстрел, — старательно выжимает Богачёв над кружкой чайный пакетик.

— Во сколько? — разворачиваю шоколадного Деда Мороза и протягиваю товарищу.

— В час ночи позвонили из командования нашей группировки: «Михалыч, нужна помощь. Надо перекрыть трассу, которая идет от Заолешенки до пункта пропуска. Там дистанционное минирование. Гражданские пострадают». Тут же набрал начальнику РОВД: так и так, выставяйте патруль. Сам пошел спать. А в полтретьего начался небывалый обстрел.

ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

— Я подскочил и первым делом поехал в администрацию, где круглосуточно дежурила единая дежурная диспетчер-

ская служба, — продолжает Богачёв. — Она принимала звонки и перенаправляла на пожарную, скорую, полицию. И уже шквал звонков. Сел в машину, поехал по прилетам. До семи утра колесил. Люди, конечно, напуганы, но паники нет. Заехал на трассу, которую мы должны были перекрыть. Там два наших трала горят с танками...

— На их фоне потом западные журналисты стендапы писали...

— Да, да, да. Из Курска подъехали представители областной администрации, направленные губернатором. С ними — в комендатуру. Там говорят: мол, ничего страшного, два украинских танка пересекли границу недалеко от Куриловки, направляются в сторону пункта пропуска «Суджа». И уже отправлена группа для их ликвидации. В штабе под Черкасским Поречным нам сказали примерно то же самое — попытка прорыва, 200 хохлов, работаем на подавление.

Вернулись в администрацию, собрали глав сельских советов. Пригласили силовиков, чтобы нам дали хоть какую-то информацию. Но им было не до нас. Решили ждать, как говорится, до особых указаний. Поехали в центральную районную больницу в Гончаровке, а там люди уже рассказывают, как хохлы расстреливают мирных.

...Я хорошо представляю эту картину. К приемному отделению подлетают недорогие кредитные иномарки и старенькие «Жигули». Из них вытаскивают перемазанных в крови перепуганных суджан. У кого-то рука наспех перевязана разорванной простыней, у кого-то на ноге вместо жгута — пояс от бабушкиного халата. Вокруг — грохот артиллерии, прилеты совсем рядом. Что чувствует в этот момент человек? Страх сменяется защитным ощущением нереальности происходящего. Мужики сжимают побелевшие кулаки от бессилия. Женщины, ведомые вечным инстинктом, прячут в объятиях от внешнего мира детей. В ма-

Корневский район. Наступающие силы ВСУ били по фронтальным дорогам, не разделяя транспорт на военный и гражданский

ленькое ушко, прижатое к груди, барабанит рвущееся из грудной клетки материнское сердце. Широко раскрытые, полные ужаса глаза ребенка пытаются разглядеть надежду за дребезжащим окном. Я видел эти глаза десятки раз — в Беслане, Донбассе, Ираке, Сирии, — они выворачивают душу наизнанку...

Раненых с пулевыми и осколочными увозят в Курск. Главврач и глава района обходят палаты. А там ведь больные, старики лежащие. Еще нет осознания катастрофы, но уже есть понимание, что всех пациентов надо вывозить. Но на чем?

ЭВАКУАЦИЯ

Богачёв звонит в областной центр заместителю губернатора по медицине Андрею Белостоцкому, просит две бронированные кареты скорой. Есть только обычные, обещают выслать. В течение дня Суджа дважды запрашивает у Кур-

ска объявление эвакуации — район не имеет права самостоятельно принять такое решение. Запросы игнорируются. Вслед за электричеством к вечеру начинает пропадать связь. Богачёв возвращается в больницу.

— Из пациентов — четверо лежачих плюс их родственники. «Скорые» до сих пор не приехали. На личном транспорте не вывезти — больные нетранспортабельные. Иду искать связь, время десять вечера, и вдруг — салют. Кругом стрельба, пулеметные очереди, прилеты арты, выходы, «Град» наш работает. И тут — праздничный фейерверк. Кому весело?! Только потом понял, что, вероятно, передовые украинские ДРГ зашли и подавали сигналы. Но тут как раз две «скорые» едут — и словно гора с плеч.

Еду на совещание в Большесолдатскую администрацию. На дороге стоит «буханка», подбитая дроном. Рядом — бойцы раненые. Грузу в уазик, привожу в больницу в Большом Солдатском. Еле дотащил ребят, еще подумал: кто догадался приемный покой на втором этаже сделать. У администрации уже стоят бронированные инкассаторские микроавтобусы. Мне говорят, надо вывозить людей из Суджи — это уже к одиннадцати вечера. Ищем, мол, человека, который хорошо знает район и будет проводником. Ну а кто, кроме меня? Дают мне в напарники Алексея Вячеславовича Спиридонова, который сейчас глава района, он за руль, а я сбоку. Поехали.

...В первый рейс напарники берут пятерых детей и двоих взрослых. На выезде из города прямо перед ними дрон влетает в УАЗ «Патриот». Ехать дальше или остановиться и помочь? Тяжелый выбор, когда твой «бусик» забит перепуганной ребятней. Тормозить — значит в первую очередь рисковать ими. Выбор очевиден...

За ночь они делают три рейса. Местные еще не до конца понимают серьезность ситуации. Многие отказываются от эвакуации. Уговоры не помогают. О чем говорить, если Са-

Машина скорой помощи, попавшая под удар дрона недалеко от Суджи, под Мартыновкой. Погибли фельдшер и врач

шин отец решает остаться в родном селе. Он проведет в оккупации семь месяцев, доживет до освобождения и скончается в мае.

СТАРИКИ И ДЕТИ

— Страх? Как у любого нормального человека, он присутствовал. Но как только ты посадил людей, страха нет. Это у них начинается паника, а ты успокаиваешь. Меня поразило, что очень адекватно себя вели дети. Послушно. А вот со стариками было посложнее — пока свои платочки в сумочки соберут. А еще ведь кошечки, собачки. Едут две бабули, одна с кошкой, другая без, чуть не дерутся из-за нее. Я уже кричу: хватит вам, успокойтесь, потерпите 15 минут, потом друг друга не увидите.

— До какого числа так возили?

— Из Суджи — до 10 августа. В тот день с замом захали его машину забрать и людей по дороге. Попали под

обстрел. Прилет рядом, аж качнуло. Жители даже тогда отказывались уезжать. Взяли, кого смогли уговорить. И на обратном пути по нам как давай лупить из автоматов, пулеметов. Проскочили...

А дальше уже из районов возили. Сложная история была в Гувеве, откуда 22 человека пешком выходили. Звонит глава сельсовета, подбери их, они сейчас в посадке сидят возле Уланка. Это возле самой границы. Стоим со Спиридоновым, думаем. Там же дети, девочка 5 лет, младше моей дочери. А если б ей вот так никто не помог... Поехали. Долетаем до посадки, выбегаю, кричу: «Люди! Эвакуация! Люди!» Тишина. Заезжаем дальше. Выскакивает военный. «Вы кто? Что тут делаете? Тут нет гражданских!» Должны быть! Он по рации спрашивает, оказывается, дальше. А по посадке танк работает. Нашли мы их, утрамбовали в машину — и назад...

ПЕРВЫЙ ПРОГНОЗ

В те дни я ловил себя на дежавю. Обстановка вокруг напоминала лето 2014 года в Донбассе, когда мало кто представлял, что происходит вокруг. Ополченцы сидели в окружении у ВСУ, которые в свою очередь варились в котле ополченцев. Никто не владел реальной оперативной обстановкой, безопасные маршруты знали приблизительно, зоны ответственности — интуитивно. Рваный фронт двигался стремительно. Дорога, которую еще час назад контролировали свои, перешла в руки противника. Так в 2014-м погиб фотокор РИА «Новости» Андрей Стенин.

В одном из радиозэфиров в августе 2024 года, опираясь на увиденное собственными глазами, я сделал предположение, которое испугало меня самого. Если мы прямо сейчас, в ближайшие недели, не выдадим оккупантов со своей территории, то это все затянется до весны.

Я понимал, что для стабилизации фронта нужно время. Резервы уже шли, и там, где они с марша вступали в бой, врагу удавалось сбить рога. Но ВСУ выигрывали время, пытаясь пустить метастазы как можно глубже. Как противник умеет окапываться, мы все знаем — не выковырять. Впереди — осенняя распутица. За ней — зима, когда нет спасительной «зеленки» и все как на ладони...

Прогноз не понравился очень важному департаменту в Москве, который внимательно читает соцсети и смотрит стримы. Назвав меня «военкором» в кавычках, он написал «телегу» на «паникера»: «А. Коц целенаправленно вводит российскую аудиторию в заблуждение, фактически способствуя стремлению Киева и российской «партии мира» скомпрометировать начальника Генерального штаба, чтобы вывести военную вертикаль из-под контроля Верховного главнокомандующего». Как неведомый творец доноса пришел к этому выводу, для меня так и осталось загадкой. Но время показало, кто заслуженно получает свою зарплату, а кто просто протирает штаны, надувая щеки.

31 сентября Александра Богачёва пригласили на концерт на Красной площади в День воссоединения Новороссии с Россией. Там он случайно познакомился с командиром бригады «Ветераны» Александром Тютеревым, позывной «Морпех».

— Дай номер, я тебе завтра наберу, — попросил «Морпех», узнав, что о селфи его просит глава Суджанского района.

Саня еще не знал, насколько круто изменит его жизнь это случайное знакомство. Как не знал, что скоро будет с треском уволен с должности...

Продолжение истории Александра Богачёва — на стр. 64.

ОККУПАНТЫ

Главное отличие сегодняшних боев в Курской области от прежних украинских «рейдов» по приграничью России — противник даже не пытается прикрыться ширмой вырусей. Раньше все делалось под вывеской перешедших на сторону Украины российских радикалов. Киев всегда мог лукаво сказать: это ваши внутренние разборки, мы тут ни при чем. Но готовы менять Грайворон на Авдеевку.

Сегодня ситуация иная — нет никаких прокладок. Есть зашедшие в Курскую область регулярные войска Украины. И этого не скрывают.

Гримаса истории в том, что нынешние события разворачиваются в 25-ю годовщину начала другой войны. 7 августа 1999 года банды Басаева и Хаттаба вошли в Ботлихский район Дагестана. И с ходу захватили приграничные села Ансалту, Рахату, Тандо, Шодроду, Годоберт.

Это принято считать началом второй Чеченской войны, которая продлилась почти десять лет. Но сегодня Чечня — мирная республика, а некогда разрушенный Грозный — один из самых красивых городов страны. Силовикам удалось задавить бандподполье и ликвидировать его главарей.

Чем закончился авантюрный рейд Басаева и Хаттаба, мы знаем. С бандеровской Украиной будет то же самое.

РУССКОЕ ПОРЕЧНОЕ

20 января 2025

— Это гражданские... И это... И тут гражданские... — Боец в ворохе старого тряпья делает очередную страшную находку.

Пять тел мирных жителей Русского Поречного в одном подвале — пожилые женщины и старики. Еще двое — в соседнем подполе, немолодая пара.

— У них были связаны руки, — говорит боец из подразделения «Странник» 352-го полка. — Гематомы по телу. По-

хоже, их избивали. Кто-то был расстрелян, кто-то погиб от осколков гранат, которыми их забросали...

Знакомый почерк. Все это мы видели почти три года назад — в Буче. Те же темные подвалы. Те же замученные мирные, которых заподозрили в сотрудничестве с москалями. Только потому, что на рукавах у них белые ленточки. В те дни в Киевской области такие носили наши военные как опознавательные знаки «свой—чужой». А гражданские — показать, что они не враги.

Но для зашедших в Бучу нацбатов это был символ предательства, за которое они убивали людей. Тех тоже нашли со следами пыток, со связанными за спиной руками. И вину возложили на русских. Именно поэтому такое не могло не повториться. В Курской области украинские подразделения вели себя ровно так, как привыкли, понимая, что «цивилизованный мир» их не осудит.

Трагедия в Русском Поречном наверняка лишь вершина страшного айсберга. Сколько еще этих подвалов на оккупированной территории? Сколько было сожженных дронами машин с беженцами? Сколько расстрелянных по полям и лесным тропам? Иностранным журналистам этого не показывали. Для западного зрителя была подготовлена другая картинка — с добрыми украинскими солдатами, которые делятся хлебом с жителями Суджи. Но «доброта» оккупантов распространялась ровно на то расстояние, до которого дотягивались американские журналисты, Красный Крест и волонтеры.

До Русского Поречного они не доехали.

ДОПРОС

31 января 2025

— Сначала я ее насильно, потом сослуживцы. Потом поставили на колени и расстреляли в затылок из автомата, —

заикается перед российским следователем щупленький оккупант.

Евгений Андреевич Фабрисенко, 1998 года рождения, 92-я штурмовая бригада ВСУ. Позывной «Штурм». Старший солдат-наводчик. Доброволец. По крайней мере, так он представился, когда вышел на боевое охранение нашего 1427-го мотострелкового полка, в 3,5 километра северо-западнее Русского Поречного. Говорит, заблудился. В момент задержания был легко ранен в задницу осколком.

— Зашли в следующий дом. Там двое мужчин, одна женщина. Мужчин убили сразу. Одному перерезали вены...

— Зачем? — уточняет следователь.

— Просто поиздеваться... Он потерял сознание от вида крови, и «Мотыль» его застрелил. Второго в затылок убил «Проводник». Эту женщину я тоже изнасиловал, заставил встать на колени и застрелил в затылок.

Нет сил это слушать. Представьте на секунду последние минуты жизни той женщины. На ее глазах убивают родных. Отца? Брата? Мужа? Потом связывают и насилуют. Там же. Она уже понимает, что вряд ли останется в живых, но надежда теплится. Даже когда приказывают встать на колени...

— Мы вышли, услышали шум в сарае. — Упырь и не думает останавливаться. — Там в стоге сена прятались три бабушки и три дедушки. Мы их вывели, связали руки, спустили в подвал. Один оказал сопротивление. К нему спустился сослуживец и ударил два раза по голове. «Проводник» поднялся вверх, а «Мотыль» кинул в подвал гранату Ф-1. После взрыва он спустился туда, живых уже не было.

Офицеры, которые первыми допрашивали его на командном пункте, вспоминают, что от перепуганного Фабрисенко сильно несло мочой. А на вопрос, не устал ли от войны, чистосердечно ответил: нет. Офицеры еще не знали, что у него в мобильнике. Это обнаружат уже наши

контрразведчики и, на что закаленные, ужаснутся от крупных планов изнасилований и убийств. Хотя, казалось бы, пора привыкнуть. Фиксировать свои «подвиги» на камеру для упырей — в порядке вещей. Предмет для бахвальства. Вспомните, как тщательно нацики снимали казнь пленных, как глумились, натянув фашистскую форму, над русским стариком. Теперь это неопровержимые вещдоки на пожизненное. Запираться бессмысленно.

— В следующем помещении услышали шум, зашли, — продолжает монотонно бубнить Фабрисенко. — Там две девушки и мужчина. Он накинулся на меня с кирпичом. «Художник» его застрелил из автомата. Девушек изнасиловали и убили.

— Кто насиловал?

— Одну — я, одну — «Мотыль». Убил обеих я выстрелом в затылок.

На скулах следователя дергаются желваки.

— 1 октября зашли в дом по улице Шпилевка. Там были две женщины и три мужчины. Мужчин поставили на колени, руки за голову и убили выстрелом в затылок. Одну женщину насиловал я, вторую — «Художник». Оба застрелил я.

Он наконец замолкает. Сморкается в грязный платок. Вопросительно смотрит на следователя.

— Что-то еще? — спрашивает тот.

Упырь с готовностью кивает. Допрос идет уже сорок минут.

— 3 октября увидели во дворе двух женщин и мужчин. Один набросился на меня, ударил в грудь. Его и других мужчин застрелили. Две женщины начали кричать и забежали в дом. Мы с моим сослуживцем, позывной «Художник», догнали их, поставили на колени, толкнули, чтобы на спину упали, и изнасиловали. Потом застрелили.

Потом ублюдки срывали со своих жертв золотые сережки, цепочки, кольца. Я всегда избегал информационного

Штурмовик 92-й бригады ВСУ Евгений Фабрисенко бесцветным голосом признается в изнасилованиях жительниц Русского Поречного и массовых казнях сельчан

штампа «каратели». Но в Русском Поречном они вели себя именно так. Садисты, дорвавшиеся до свежей крови.

Переводя на бесстрастный язык материалов Главного военного следственного управления СК России, «совершившие преступления против половой неприкосновенности (изнасилования, иные действия сексуального характера, с особой жестокостью) шести лиц женского пола, после чего убившие их».

Попался он случайно. Пошел на соседнюю позицию заряжать аккумуляторы для раций, а на обратном пути сбился с дороги и вышел аккуратно на наших разведчиков 1427-го мотострелкового полка.

— Не пожалел, что оставили в живых? — спросил я одного из них, когда стал известен масштаб злодеяний.

— Знаешь, хорошо, что живым вывели. Таких показывать надо, да и расстрелять — это слишком для него просто...

ЭКСПЕРТИЗА

1 февраля 2025

«Экскурсия» по Русскому Поречному — от подвала к подвалу.

— Вот здесь нашли мужчину и женщину. У нее — три проникающих ранения в грудь. Он тоже в упор расстрелян, — перечисляет начальник штаба мотострелкового подразделения группировки войск «Север» с позывным «Восток». — Во втором подвале нашли пять тел. Три мужчины и две женщины, где-то за 60. Стреляли в грудь и в затылок. В третьем — обнаружили двоих, пулевые ранения, а потом, по всей видимости, закидали гранатами. В следующем трое лежали у входа. Как будто пытались защитить телами тех, что внутри.

Улицы с разбитыми в кирпичи домами и окопы на окраине села завалены трупами оккупантов. Отдельно по дворам лежат уже упакованные в черные пластиковые пакеты тела мирных. Их бойцы группировки войск «Север» выносят из подвалов и вывозят в тыл — на криминалистическую экспертизу. Первыми оказались те девять, уже знакомых нам...

— Бросилось в глаза, что у пожилых мужчины и женщины были тупые травмы грудной клетки с множественными двусторонними переломами ребер. Ушибы легких, кровь в плевральной полости. У женщины повреждены колени, у мужчины — левая кисть с переломом запястной кости... Все это говорит о жестокости, которая была к ним применена, — старается невозмутимо держаться перед камерой и.о. начальника курского Бюро судебно-медицинской экспертизы Татьяна Балеевских. — Выделяется женщина, у которой обнаружены тупая травма грудной клетки и огнестрельные ранения — преимущественно на спине, а также признаки воздействия электрического тока...

По роду профессии мне не раз приходилось общаться с криминалистами. Как правило, они создают впечатление циничных и бесчувственных профессионалов, которых не-

возможно зацепить за живое. Свои переживания держат глубоко внутри, и только их родные знают, какой отпечаток накладывает специфика тяжелой работы.

Судмедэксперта, который едва сдерживает слезы, я вижу впервые за четверть века в журналистике.

— Было психологически сложно исследовать эти трупы. Потому что мы понимаем механизм образования повреждений. Мы понимаем, какие страдания испытывали эти люди, — дрожащим голосом подытоживает Татьяна Юрьевна.

— Людей лишали жизни с особой жестокостью. Истязали с использованием электричества, затем убивали выстрелом в голову или душили. Избивали пострадавших до наступления смерти, — заканчиваю этот страшный день в кабинете замруководителя следственного управления ГВСУ СК России полковника юстиции Андрея Дурасова.

Да люди ли это делали?!

ЕЩЕ ОДИН ДОПРОС

4 февраля 2025

Задержан еще один мясник из Русского Поречного. Владимир Парафило — мобилизованный из Николаевской области. 42 года. Солдат-стрелок 92-й штурмовой бригады. Подельник уже известного нам Фабрисенко.

Пересек границу Курской области 20 декабря. И в тот же день открыл свой кровавый счет. А сейчас, отмытый и побритый налысо, в свежей тюремной робе, скромно сидит перед следователем.

— Ставились ли вам какие-либо задачи относительно мирного населения?

— Так точно.

— Какие?

— Кто будет сопротивляться — стрелять по ним.

— **Вы преступления против них совершали?**

— Так точно, — отводит глаза к стене. — 20 декабря в мужчину выстрелил в спину, в левую сторону.

— **Почему?**

— По приказу командира с позывным «Антошка».

— **Что чувствовали, когда стреляли в человека, не представлявшего опасность?**

— Плохо себя чувствовал.

— **Сожалеете?**

— Так точно.

— **И когда сожалеть начали?**

— Сразу.

— **А какие-нибудь меры приняли, чтоб сохранить ему жизнь?**

— Никак нет.

Следователь должен задавать вопросы — процессуальная необходимость. Что творится у него в душе — не для протокола...

— Кто ответит за стариков Русского Поречного? — такой вопрос мне задавали в те дни читатели с намеком на то, что упыри уйдут от ответственности. А я отвечал как на духу: с 2014 года Следственный комитет скрупулезно фиксирует каждое преступление на Донбассе, каждый обстрел, каждое убийство. Мы ведь не впервые сталкиваемся с людоедами. Я присутствовал при эксгумации братских могил в Луганской Народной Республике. А от выкрутасов батальона «Торнадо» даже украинская Фемида содрогнулась — правда, выпустив душегубов на свободу сразу после начала СВО.

Так вот, в плен все чаще стали попадать фигуранты тех давних дел. И огребать по всей строгости закона. А суды едва ли не ежедневно выносят приговоры убийцам мирных жителей. Один трибунал над мариупольскими мясниками чего стоит. Правда, негромкий...

— А почему эти процессы не освещают? — спросили меня на прямом эфире.

А я не знаю.

А почему леденящая кровь история Русского Поречным не звучит из каждого утюга, как это было у хохлов с Бучей? Почему специально обученные люди в ежедневном режиме не рассказывает, отчего умерли эти несчастные? А их родственники не рассказывают, какими прекрасными людьми они были? Почему специалисты ООН и Красного Креста не приехали и не зафиксировали преступления против человечности?

Почему в Курске до сих пор нет табуна иностранных журналистов, которые бы показали Западу эти зверства?

Не хотят ехать? А вот в Бучу хотели. И в Суджу. Но зачем тогда мы их держим в Москве, играя в демократию?

Понятно, что в Русское Поречное сегодня роту иностранцев не привезти. Это передовая. Но когда будет можно, все уже забудут об этих истерзанных стариках.

ВОЗМЕЗДИЕ

11 апреля 2025 года Следственный комитет отчитался о ходе судебных процессов над военнослужащими ВСУ, совершавшими на территории Курской области военные преступления.

Солдат 47-й ОМБР Борис Николаенко признан виновным в совершении террористического акта. По данным следствия, Николаенко в составе подразделения вошел на территорию Курской области 4 октября 2024 года. Запугивал местных жителей, препятствовал их эвакуации, неоднократно открывал огонь по российским военнослужащим и мирному населению. Приговор — 15 лет строгого режима.

Солдат 252-го батальона ТРО Петр Еремея признан виновным в совершении террористического акта. Следствие

установило, что в августе прошлого года он минировал дороги и препятствовал эвакуации гражданского населения, с применением оружия занимал частные домовладения и запугивал мирных. Приговор — 15 лет строгого режима.

Солдат 22-й ОМБР Константин Толстик признан виновным в совершении террористического акта. В Курскую область вошел в составе подразделения 25 августа 2024 года. Находился в Кореневском районе, вел наблюдение за российскими военнослужащими. Имея при себе автомат АК-74, запугивал местных жителей. Приговор — 16 лет строгого режима.

Солдат 17-й ОТБР Виталий Мацегор признан виновным в совершении террористического акта. В Курскую область зашел 25 сентября 2024 года. Был командирован в город Суджу. Оборудовал в прилегающих лесопосадках наблюдательно-огневые позиции, с которых неоднократно открывал огонь по российским военнослужащим и мирному населению. Приговор — 16 лет строгого режима.

Солдат 49-й инженерно-разградительной бригады Виталий Озимук признан виновным в совершении террористического акта. В период с 6 августа по 18 сентября 2024 года, находясь в населенных пунктах Олешня, Гоголевка, Казачья Локня и селе Веселое, препятствовал эвакуации гражданского населения, а также применял оружие в отношении российских военнослужащих. Приговор — 15 лет строгого режима.

Примечательно, что среди приговоренных нет офицеров. Видимо, командиры бежали первыми.

ФЕЙК

2 февраля 2025

Каратели атаковали ракетами интернат в Судже. О нем я знаю уже месяца три. Выбравшиеся из Суджи жители рассказыва-

ли мне, что украинцы согнали туда людей, чтобы легче было их контролировать. Естественно, об этом объекте прекрасно осведомлено российское командование. Сам разглядывал интернат, сидя за монитором одной из групп БПЛА, — «тут сейчас гражданские», пояснял оператор. Никто из наших не мог перепутать это здание с военным объектом. Тем более что по Судже никогда не наносились авиаудары.

Это не помешало Киеву вбросить фейк о том, что интернат атаковала наша авиация. Логика понятна — сместить вектор информационного внимания с резни в Русском Поречном. Что может перекрыть массовые убийства и изнасилования? Только еще более страшная трагедия.

Главное, врать как можно наглее по заветам Геббельса.

Уже известно, что к обстрелу причастна 19-я бригада ВСУ под командованием полковника Ярошевича. То самое соединение, что отправило «Точку-У» в Краматорск, убив 64 мирных жителя. И оно же накрыло кассетами центр Донецка в марте 2022 года, когда погибли 17 человек.

Бригада целенаправленно выполняет свои карательные функции. А дальше в бой вступают политики с заранее подготовленной информационной долбежкой. Интересно, Запад снова поверит в эту залепуху? В тот момент, когда ООН и Красный Крест наконец-то начали, пусть вяло, реагировать на бойню в Русском Поречном, мы вдруг бомбим собственных граждан, оказавшихся в заложниках?!

На кого это рассчитано?

МАРОДЕРКА

9 апреля 2025

— Вы же в курсе, что туры продавались? В Сумах продавались туры на грабеж Суджи, — говорит протоирей Евгений Шестопалов, настоятель суджанского храма Троицы Живоначальной.

В самом начале вторжения он, рискуя собой, вывозил бабушек из города. Даже тогда, когда по обочинам валялись расстрелянные машины. А в них лежали убитые люди. Его свидетельства, как и рассказы многих других жителей Курской области, вошли в доклад «Зверства киевского режима в Курской области», подготовленный Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов.

— Выдавался билет, пропуск. Заезжайте на машине, берите любой дом, грабьте, загружайтесь, везите, что хотите, — продолжает священник. — Пропускали туда, пропускали обратно, не проверяя. Ездили в Суджу как на рынок, только бесплатный. И это даже не вооруженные силы Украины, не солдаты, а обычные жители Сумской области. Мирские люди. Они не скрывали своих набегов. Потом выставляли награбленное на продажу. И хвастались — это трофеи из Курской области.

Конечно, батюшка изъясняется иносказательно. Конечно, в сумских турагентствах не продавали «горящие путевки» в Суджу. Но возможность через знакомых вояк за долю малую оформить себе пропуск на проезд туда-обратно без досмотра вполне допускаю. Тем более рассказанное отцом Евгением я сам слышал от освобожденных курян. Да и своими глазами видел вывернутые наизнанку хаты и квартиры, в которых ни телевизоров, ни микроволновок, ни компьютеров — шаром покати.

— Через две недели они на Украину угнали весь транспорт — школьные автобусы, автопарки предприятий, — рассказывал мне суджанец Виктор Белобров. — С баз вывезли металл, дерево. Бензин выкачали. Из домов сначала золотишко выносили, потом технику. Потом личные вещи, вплоть до трусов.

— На Заводской улице даже батареи снимали, — добавляет жительница Гуева, которую на днях эвакуировали бойцы 177-го полка морской пехоты.

Типичная картина в освобожденных селах — вывороченное наизнанку жилье, из которое оккупанты вывезли все ценное в Сумскую область

Делали это военные или гражданские — не так уж важно. Думаю, повязаны все. Один набил багажник наворованным, другой довез до КПП, третий встретил и переправил, четвертый продал через интернет. Курская «операция» ВСУ останется в истории живой иллюстрацией набега дикарей-кочевников на развитую цивилизацию, чтобы поживиться ее плодами. А потом запечатлеть себя на фоне суджанского супермаркета «Пятерочка», предварительно оставив какую-нибудь «ржачную» надпись на стене.

«Передай уже нашим, чтоб снесли магазин вместе с «покупателями», — пишут мне читатели.

А мне кажется, не стоит. Пусть и дальше позируют как папуасы с бусами. И тренируются в примитивной наскальной живописи. Все эти ролики и селфи — живой памятник украинскому хуторянству в его самом карикатурном проявлении. Не з'їм, так надкушу.

МАНКУРТ**30.08.2024**

Бывший футболист «Локомотива», «Спартака» и «Анжи» Александр Алиев демонстрирует глубины умственного и душевного разложения. Уроженец Хабаровска, родители которого живут в Курске, призывает ВСУ «убивать нечисть и мирное население» в Курской области.

То есть и своих родителей тоже. Продавших квартиру в Хабаровске, чтобы быть поближе к футбольным центрам. Чтобы их чадушко могло профессионально заниматься спортом. Вложили в него средства, душу, здоровье, чтобы сыночка поиграл в лучших клубах, в том числе киевском «Динамо».

Сыночка осел на Украине и стал справжним украинцем.

Давно заметил психологическую аксиому: неофиты всегда радикальнее новой среды, в которой оказались. Будь то принявшие салафизм выроденцы или напялившие на себя политическое украинство релоканты. Это подсознательный элемент выживания. Они считают, что так будут казаться своими. Заслужат отношение на равных. В конечном убожество выродились все эти муждабаевы, бабченки, пономаревы...

Стали они своими для хохлов? Нет. Карманные мурзилки для демонстрации «правильных русских». Как в зоопарке. Или резервации. Попробуй выйти за флажки, смоют как кондом в унитаза.

Таков путь манкурта.

ВСТРЕЧА**11 сентября 2024**

Эта поразительная встреча случилась в Украинске, на покровском направлении. Самостийные волонтеры Даниил Захарченко и Александр Гуманюк заехали сюда, чтобы

вывезти на Украину шестерых мирных жителей. На «бусике» — эмблема ВСУ, на рукавах — шевроны с трезубами. Трое ехать отказались.

Пока грузили стариков, на шум пришел русский солдат. Волонтеры не знали, что мы заняли эту часть города.

— Сюда идет. Русский! Он здесь! Идет к нам! — испуганно тараторит на видео Захарченко.

— Что за передвижения тут? — спрашивает солдат.

— Волонтеры! Эвакуация! С Покровска приехали. Людей вывозим!

Украинская символика, мужики в касках и бронежилетах. Тут надо быть очень сдержанным, чтобы сразу не открыть огонь. Или просто быть русским солдатом.

— Где люди? — уточняет он.

— В подвале! — снизу вылезает старушка.

— Людей быстро грузим и ...! — не вполне дипломатично, но очень человечно командует русский солдат.

— Да! Да! — не верит своим ушам волонтер.

Потом обескураженные «захистники» поделятся впечатлениями.

— Назвать его адекватным? Может быть. Потому что мы живы, — что-то понял Захарченко.

— Только что посмотрели смерти в глаза, — ничего не понял его спутник Гуманюк.

Ты, Санек, посмотрел в глаза Жизни. В глаза смерти смотрели жители Мариуполя, которых твои «захистники» расстреливали в машинах за белые ленточки на зеркалах. В глаза смерти смотрели жители Суджи, которых жгли в автомобилях на выезде из города. В глаза смерти смотрели курские волонтеры, которые заезжали в занятые оккупантами села и пропадали без вести. В глаза смерти смотрел мой друг Женя Поддубный, в чью машину влетел FPV-дрон.

Спасибо тебе, русский солдат. За то, что просто и убедительно объяснил, почему мы — не они.